

Сурат И.З. *ВЧЕРАШНЕЕ СОЛНЦЕ: О ПУШКИНЕ И ПУШКИНИСТАХ*. — М.: РГГУ, 2009. — 652 с. — 1000 экз.

Заглавие у этой книги — говорящее. Оно сразу же заставляет вспомнить знаменитый некролог В.Ф. Одоевского, где говорилось: «Солнце русской поэзии закатилось!» При этом автор подчеркивает: *вчера*шнее солнце. Сразу возникает вопрос: когда же началось и долго ли продлилось это самое *вчера*?

В предисловии «От автора» этот вопрос наполняется как будто вполне публицистическим содержанием: «Разговоры о закате пушкинского солнца начались еще на рубеже XIX— XX вв., и те, кто их затеял (первыми были Д. Мережковский и В. Розанов), сами и совершили беспримерный прорыв в познании Пушкина, а когда они умолкли, расцвела другая ветвь познания, расцвела наша блистательная обширная и разнообразная академическая пушкинистика — где она сегодня? Там же, где “народная тропа” и народная толпа, штурмующая книжные прилавки с новыми томами Пушкина, — в прошлом. Национальный гений теперь счастье для немногих...» и т.д. (с. 7).

Но всякая публицистика, к сожалению, оперирует приблизительными фактами — и неминуемо приходит к столь же приблизительным выводам. Во-первых, «разговоры о закате пушкинского солнца» начались значительно раньше: еще при его жизни пошли эпиграммы о том, что «Пушкин надоел» («И стих его не звучен, / И гений охладел»). И показательные характеристики поэта Бенедиктова: «Этот почище Пушкина-то будет». И насильственное «внедрение» Пушкина в массы: вспомните историю распространения посмертного издания его сочинений, на которое почему-то никто не хотел подписываться...

Во-вторых, само это «солнце русской поэзии» загорелось не только «благодаря» иным общественно-литературным процессам («Повезло, повезло!» — как подметил некогда булгаковский поэт Рюхин), но и в противовес известным мнениям русской демократической интеллигенции (отраженным в статьях Д.И. Писарева) или мыслям представителей «грамотного народа» (переданным Львом Толстым). Эти сомнения относительно «пушкинского солнца» явились тоже пораньше Мережковского и Розанова.

В-третьих, наличие «народной толпы, штурмующей книжные прилавки с новыми томами Пушкина», не является непременным показателем нравственного здоровья народа. В достопамятные 1970—1980-е гг. подобное явление было лишь «отрыжкой» повального увлечения «самой читающей нации», желающей «образованность свою показать». Ибо если бы купленные тогда «новые тома Пушкина» были бы не просто поставлены на полку, но прочитаны и поняты всеми, купившими их, — то многого из того, что случилось «вчера», просто бы не случилось. Совсем другое дело, что для отдельных — совсем немногих — людей имя Пушкина в лихие времена стало тем именем, которым можно «аукаться»; и они «аукались», и сумели выжить, и другим помереть не дали...

Тут можно приводить еще и «в-четвертых», и «в-пятых»... но остановимся. Основное достоинство рецензируемой книги и плода двадцатилетней работы И. Сурат — в ее откровенной «научной публицистичности». А основной недостаток — в том, что эта «научная публицистика» — все-таки приблизительна.

«В первом разделе книги, — указывает автор, — собраны работы общего характера, во втором — исследования отдельных произведений и проблем, в третий вошли некоторые статьи о пушкинистах и пушкинистике, последний раздел составили эссе из новой книги о единстве русской лирики, Пушкин в этом замысле — центральная фигура» (с. 8). Рассмотрим, однако, не принципы соединения разных статей, а сам, что называется, «творческий метод» автора, по-разному заявленный в каждом из разделов.

В первом разделе собраны известные «новомирские» статьи И. Сурат, писавшиеся в преддверии и во время известного 200-летнего юбилея Пушкина. Массовое гуманитарное сознание в России особенно зависит от «юбилеев» — «круглых дат» того или иного «вчерашнего солнца»: именно к «юбилеям» принято воздавать этому «солнцу» почести или клеймить тех, кто осмелился не до конца понять его «значимость». И, конечно, утверждать это «солнце» как «нашего современника»... Автор — в духе того популярного журнала, где статьи печатались, — обращала внимание прежде всего на последний тезис.

Все это здорово — но бывшее «журнальное» рассуждение, ставши частью научной книги, вдруг обнаруживает «приблизительность». Вот — среди вполне «правильных» суждений о пушкинской биографии и задачах по ее созданию — встречаем противопоставление двух «методик» ее создания: одна была заявлена П.И. Бартеневым, другая — П.В. Анненковым, а «в советское время» пушкиноведение-де пошло «по бартеневскому пути» (с. 15). Но через несколько страниц заявляется о порочности «целой исследовательской традиции», которая идет уже от Бартенева и Анненкова вместе взятых (с. 15)... Как-то «сводить» подобные расхождения в публицистике не принято... Или даже доказывать. Вот «обвинение», предъявленное к известной биографии Пушкина, созданной Ю.М. Лотманом: она-де «имела целью не исследовать жизнь Пушкина, а проиллюстрировать достижения семиотики» (с. 16). Но кажется, что эта «цель» «придумана» самой И. Сурат, — а Лотман все-таки думал прежде всего именно о Пушкине.

Только в пределах «околонаучной» публицистики можно, рассуждая о последней дуэли Пушкина, порадоваться тому, что «Бог не попустил ему убить человека» (с. 56). Или на нескольких страницах скорбеть о его «бесчувственном теле», похороненном хоть и в соответствии с его желанием, но без «почестей» (с. 52—53). Или представить «околостихотворный» окрик митрополита Филарета по поводу гениального стихотворения «Дар напрасный, дар случайный...» как восхитивший Пушкина своей «поэтической выразительностью» (с. 73). Или назвать вполне конкретную полемику западников и славянофилов «нескончаемой тяжбой о России» (с. 101). Или противопоставить известной «уваровской» идеологической формуле «православие, самодержавие, народность» придуманную якобы «пушкинскую» формулу: «свобода, просвещение, монархия» (с. 107 — ей-богу, «уваровская» формула много точнее и исторически определеннее!).

Исследования отдельных произведений (в основном, пушкинской лирики 1830-х гг.) кажутся гораздо интереснее. Но опять-таки не свободны от ненужных публицистических парафраз и восклицаний о том, как похожи по-диктова. «Поколение Фета» это не смертные маски Пушкина и Паскаля испортило... (с. 133 — как будто это «сходство» что-то доказывает!). Или об особенном «ясновидении поэта» (с. 140 — для пущей важности эта фраза дана даже большими буквами!). Или о том, что в пушкинском бытии «Промысел явил себя в виде зайца» (с. 177).

Не знаю как другие, а я уже изрядно устал от подобных словоизвержений в трудах современных пушкинистов.

И от многословия — тоже устал. И. Сурат в своей книге, например, шесть раз — то полностью, то во фрагментах — по разным поводам процитировала большое стихотворение Пушкина «Легенда» («Жил на свете рыцарь бедный...»). И соотнесла его со множеством разных (в основном, пушкинских же) текстов — так что я уж совсем запутался в этой массе взаимоисключающих исследовательских вариаций...

При этом я вовсе не являюсь противником тех публицистических идей, которые собраны в этой книге. Напротив, помню, как меня десять лет назад восхитила публицистическая статья И. Сурат о прошедшем пушкинском юбилее: под многими ее положениями я сам был готов подписаться. Действительно, «патологическая надсадность последних пушкинских торжеств прямо свидетельствует о какой-то серьезной общественной болезни» (с. 521) — никуда не денешься.

Но десять лет прошло — а автор, без изменений перепечатывая этот давний лозунг в своей научной книге, как будто упрямо не хочет видеть, что кое-что изменилось и что «общественная болезнь» как будто уже прошла «критическую стадию».

А некоторые прогремевшие тогда утверждения вовсе нынче кажутся не-серьезными. О том, например, «что поколение, выбравшее Пелевина, ни Пушкина, ни Толстого читать никогда не будет» (с. 523). Где они сейчас, эти представители «стремительно ветшающего» (с. 541) нового поколения, как будто «заменившего» вечную ценность Пушкина? И ничего особенного, когда нынче среди всех поэтов более всего знают и чествуют каких-нибудь И. Резника или Л. Рубальскую: таковы законы массовой культуры. А от Пушкина не убудет, как не убудило и тогда, когда заявляли, что Бенедиктов «почище Пушкина-то будет», когда студентами Фет и Ап. Григорьев «завывали» над стихами модного Бене

И разве в том дело, что двадцать лет назад филологические книги расходились сотысячными тиражами, а нынче и тысяча — большой тираж? Что это, в сущности, меняет в жизни профессионала, ставшего «маргиналом»? В рецензируемую книгу включено замечательное эссе И. Сурат о покойном А.П. Чудакове (вот уж кто никогда себя «маргиналом» не чувствовал!). И сформулирована его позиция: «Жить — это делать то, что другой за тебя не сделает» (с. 545).

Может быть, попробовать жить именно так — а не витийствовать по поводу «вчерашнего солнца»?

В.А. Кошелев